

Марьенко Н. Ю.
О ДУЭЛИ И ПРЕДСМЕРТНОЙ ЗАПИСКЕ Д. В. АРСЕНЬЕВА

В декабре 1807 г. в Петербурге состоялась одна из наиболее трагичных в истории Российской империи дуэлей, на которой полковник Д. Арсеньев (1777–1807) был убит графом И. Хрептовичем (1775–1850). Этот поединок обращает на себя внимание в связи с обстоятельной предсмертной запиской Д. Арсеньева, которую, судя по всему, можно считать единственным эго-документом такого рода на восточноевропейском пространстве.

Последние три года жизни полковник Д. Арсеньев провёл в военных походах. В частности, в 1804 г. он участвовал в Адриатической экспедиции, в 1806 г. – в битве при Голыmine, а начале 1807 г. – в сражении при Гофе, где попал в плен [3; с. 170]. Вернувшись в Петербург, Д. Арсеньев сделал предложение фрейлине великой княгини Анны Фёдоровны М. Рённе, и получил согласие. По словам С. Волконского, «эта помолвка получила полную гласность» [6; с. 63]. Примечательно, что о предстоящем событии было известно и Александру I, обещавшему помощь бедному дворянину: «... Государь Император, отлично к нему расположенный, как к человеку, вполне это заслуживающему, благоволил при объявлении Арсеньевым о предстоящем ему счастье, как человеку, весьма ограниченному в средствах жизни, дать ему аренду, или денежные средства» [6; с. 63]. На расположенность государя к Д. Арсеньеву свидетельствует и полученный им в подарок в 1803 г. перстень [1; с. 50], который наряду с табакеркой был второй по значимости, после медальона с изображением правителя, личной наградой от императора. Однако спустя несколько дней после помолвки предложение невесте Д. Арсеньева сделал граф И. Хрептович. Мать М. Рённе, «прельщенная богатством графа Хрептовича» [6; с. 63], убедила свою дочь отказать Д. Арсеньеву и остановать свой выбор на более состоятельном женихе, после чего «Арсеньев, обманутый в своих ожиданиях, не вынес этой обиды, и вызвал на поединок Хрептовича» (6; с. 63). Попытки секунданта (им был князь М. Воронцов) и других лиц успокоить Д. Арсеньева не увенчались успехом. Накануне поединка полковник находился в состоянии крайнего нервного возбуждения («... любовь и оскорблённое честолюбие предпочтением другого по одному богатству была причиною Арсеньева исступления» – [12; с. 76]) и «непреренно хотел убить или быть убиту» [12; с. 76].

Результатом поединка стала смерть полковника. Гибель Д. Арсеньева всколыхнула петербургскую общественность. События об этом происшествии были отражены в мемуарах декабриста С. Волконского [6; с. 62–64], в переписке между А. Тургеневым и братьями Булгаковыми [12; 76], между Я. Булгаковым и его младшим сыном Константином [7; с. 220]. Находясь в Киеве, интересовался обстоятельствами поединка М. Кутузов («Чем кончилась дуэль Хрептовича?» [2; с. 57]). Стихотворение Д. Арсеньеву посвятил его друг С. Марин [11; с. 123–124]. Александр I изъявил желание заплатить все долги погибшего полковника, также по его распоряжению были устроены торжественные похороны со всеми почестями [12; с. 76]. «Весь Петербург, за исключением весьма малого числа лиц, вполне оправдывал Арсеньева и принимал в постигшей его смерти радушное участие. Его похороны почтила молодежь петербургская своим присутствием, полным участия...» [6; с. 63–64]. Есть определённое сходство обозначенной дуэли с не менее резонансным поединком 1825 г. между К. Черновым и В. Новосильцевым. Похороны К. Чернова, по мнению Ю. Лотмана, стали причиной первой в России уличной манифестации [10; с. 502]. Однако именно поединок между Д. Арсеньевым и И. Хрептовичем был первой в России дуэлью, причиной которой следует считать имущественное неравенство.

Надо сказать, что на годы правления Александра I пришёлся пик распространения дуэльной традиции в России. В это время состоялось не менее 70 поединков, которые для 28 дуэлянтов закончились гибелью. Распространению конфликтов чести способствовали такие факторы как «расширение пространства свободы» дворян после смерти Павла I, участие русской армии в начале XIX в. в войнах в Европе [14; с. 73–75]. В частности, в Париже в 1815 г., как сообщали полицейские бюллетени, часто происходили ссоры между военными, заканчивавшиеся поединками [16; с. 170–171]. Сюда же следует добавить и рост дворянского самосознания, одной из характерных особенностей которого было «утверждение чести как основного законодателя поведения» [9; с. 164]. Именно в эти годы в России утвердился «европейский стиль дуэлей» [19; с. 139].

В таких исторических условиях Д. Арсеньевым и была создана преддуэльная записка, в которой содержались следующие слова: «Я должен портному Голендеру по счету около 200 рублей, Турчанинову по счету около 400 рублей, Воронцову 180 червонцев и 150 рублей, брату 1000 рублей, и потом какие-нибудь мелкие долги, каких я не упомяну. Мне должны: Дука 150 червонцев, принц Мекленбургский 50 червонцев и впрочем кто сам вспомнит малые долги, тот их отдаст. Из 2000 с чем-то рублей моих денег заплатите по возможности вышеописанные долги, большие же адресовать на батюшку. Дать на мой батальон 500 рублей, Николаше 100 рублей; волю как ему, так Ипату. Все вещи мои раздать друзьям, которые пожелают иметь какие-нибудь от меня памя-

ники. Донести графу и графине Ливен и князю Петру Волконскому, что, признавая всю цену милостивого их ко мне расположения, я умру с истинной к ним признательностью и совершенно отличаю их от тех скаредов, которые довели меня до сего положения. Свет будет судить и тех и других и воздаст каждому должное. Свечина и сестру С. П. уверяю в истинной моей дружбе и признательности, равно как и друзей моих, которые наиболее имели право на мою привязанность. Поручаю обо всем друга моего князя Черкасского, который возьмет на себя труд обо всем известить родителей, братьев и сестер моих. Братьев поручаю покровительству моих друзей. Всякого прошу вникнуть в мои обстоятельства, посудить меня и пожалеть, буде найдет виновным. Любил друзей, родных, был предан государю Александру и чести, которая была для меня во всю мою жизнь единственным для меня законом. Имел почти все пороки, вредные ни для кого, как для самого себя. Прощайте. Арсеньев. Я ношу два кольца и один перстень. Секунданты мои возьмут их себе в знак моей дружбы и благодарности» [15; с. 224–225].

Этот документ уникален сразу по нескольким причинам. Во-первых, в нём фиксируется личная рефлексия дуэлянта накануне поединка. Многочисленные упоминания о дуэли в источниках личного происхождения обычно отражали мнения участников или современников описываемых событий уже *post factum* и редко содержали сколько-нибудь значимые сведения об эмоциональном состоянии дуэлянта в преддверии поединка. В этом есть определённый парадокс, ведь дуэль как форма поведения, несомненно, связана со сферой чувств, но при этом в источниках психология участников поединков отражена крайне скупо. Эту функцию реконструкции эмоционального состояния дуэлянтов выполняла художественная литература. В частности, в ночь перед поединком Ленский читал Шиллера и «темно и вяло» писал стихи [13; с. 127–128], Печорин думал о бесцельности своего существования [8; с. 437–440], Базаров собирался написать письмо отцу, после чего видел «беспорядочные сны» [17; с. 142–143], а Лаевский сумел написать только слово «Матушка!» [18; с. 436–438], а затем, как Печорин, предался тяжёлым мыслям о пустоте жизни. Преддуэльная записка Д. Арсеньева, затрагивающая проблемы жизни и смерти, стоит как бы в одном ряду с литературными воплощениями размышлений дуэлянта накануне дуэли. Её содержание также свидетельствует о стремлении автора жить по законам чести и противостоять окружающей его несправедливости даже ценой собственной жизни. Эти идеалы имели глубокие литературные корни. Вот почему Ю. Лотман слова «Сама смерть в своем дымящемся пурпурном облачении была тогда так привлекательна, так величественна, так великолепна» из «Исповеди сына века» А. де Мюссе считал вполне применимыми для поколения русских людей начала XIX в [9; с. 23]. Таким образом, вторая особенность предсмертной записки Д. Арсеньева – следование её автором литературным идеалам своего времени. Обращает на себя внимание и стоическое отношение автора к смерти, выраженное им в экстремальных условиях. В-третьих, в рассматриваемом документе содержится важная информация об отношении к родственникам и друзьям. Очевидно, такие размышления были типичными для дуэлянтов накануне поединка. Так, А. Пушкин, узнав от доктора Шольца о том, что его рана смертельна, сказал: «Нужно устроить свои домашние дела» [4; с. 401]. Важной составляющей предсмертных указаний были распоряжения об уплате долгов и завещание личных вещей близким людям. Вторая особенность, в частности, фиксируется и в другой истории, произошедшей в 1851 г. Тогда барон Э. Розен был оскорблён братьями Гендриковыми, приказавшими своим слугам тащить его насильно в лагерь. С Э. Розеном произошла настоящая истерика, во время которой он, в частности, произносил такие слова: «Господа, если меня убьют, исполните мою просьбу – напишите моему отцу, что я с честью носил имя Розена, и своей кровью смыл с него пятно; матери отдайте мой перстень, часы и ея письма, которые у меня хранятся. Парадера продайте и деньги разделите солдатам 3-го эскадрона. Подъездка, на которой поехал Муравьев, ему и отдайте. Официальные вещи Бальмену, Снигинскому письменный стол, Кривскому книги, Амбразанцову халат, и еще некоторые другие вещи он просил отослать в разные полки своим старым школьным товарищам» [5; л. 20]. Однако этим распоряжениям не дано было исполниться, так как в результате дуэли против графа А. Гендрикова погиб именно обидчик, а не Э. Розен.

Таким образом, в предсмертной записке Д. Арсеньева, уникальном эго-документе, зафиксирована психология дуэлянта накануне поединка, отражающая ритуальные особенности подготовки к смерти, а также идеалы поколения людей конца XVIII – XIX вв.

1. Архив князя Воронцова. – М., 1890. – Т. 36. – 524 с.
2. Архив кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского: письма его к жене. 1800–1808 гг. // Русская старина. – 1871. – Т. 3. – С. 49–61.
3. Бенкендорф, А. Х. Воспоминания : в 2 т. / А. Х. Бенкендорф. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – Т. 1. – 500 с.
4. Вересаев, В. Пушкин в жизни : в 2 т. / В. Вересаев. – М. : Советский писатель, 1936. – Т. 2. – 568 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 678. Оп. 1. Д. 1115.
6. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). – СПб, 1901. – 547 с.
7. Из писем Я. И. Булгакова к младшему его сыну Константину Яковлевичу // Русский архив. – 1898. – № 2. – С. 220.

8. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов // Полное собрание сочинений : в 4 т. – М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1959. – Т. 4. – С. 275–475.
9. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб : Искусство-СПб, 2011. – 413 с.
10. Лотман, Ю. М. Кто был автором стихотворения «На смерть К. П. Чернова»? / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб : Искусство-СПб, 1996. – С. 494–505.
11. Марин, С. Н. Полное собрание сочинений / С. Н. Марин. – М. : Государственный литературный музей, 1948. – 573 с.
12. Письма Александра Тургенева Булгаковым. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 376 с.
13. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т. – М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – Т. 5. – С. 9–217.
14. Рейфман, И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе / И. Рейфман. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.
15. Род дворян Арсеньевых. 1389–1901 / сост. В. С. Арсеньев. – Тула, 1903. – 243 с.
16. Рэй, М.-П. 1814. Царь в Париже / М.-П. Рэй. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 247 с.
17. Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев // Полное собрание сочинений : в 12 т. – М. : Наука, 1981. – Т. 7. – С. 5–191.
18. Чехов, А. П. Дуэль / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений : в 18 т. – М. : Наука, 1985. – Т. 7. – С. 353–456.
19. Kollmann, N. S. The Russian Empire. 1450–1801 / N. S. Kollmann. – Oxford, 2017. – 512 p.

Белявский А. М., Захаркевич С. А., Снапковский Ю. Н.
ТАЙНА СЕМЬИ ШНЕЕРСОН: ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
БЕЛАРУСИ ОБ ОСНОВАНИИ ДИНАСТИИ ЛЮБАВИЧСКИХ ЦАДИКОВ

Название статьи, звучащее в стиле детективного романа, не является преувеличением – история, лежащая в ее основе, представляет собой туго завязанный клубок сюжетных линий, распутывание которого еще далеко от финала, и архивные документы, о которых пойдет речь, лишь относительно недавно были вовлечены в «расследование». Коллизии основания династии любавичских цадиков Шнеерсонов интересны нам не из досужего любопытства к «скелетам» в фамильном шкафу знаменитой семьи, но постольку, поскольку они позволяют лучше понять процессы, происходившие в исключительно закрытой для посторонних глаз, и в то же время исключительно влиятельной в экономической (и иногда политической) жизни белорусских губерний XIX века еврейской общине – процессы, во многом определившие направления ее развития в первой четверти этого столетия на последующие десятилетия.

Отдельные организационные, экономические и религиозные аспекты деятельности старшего сына основателя династии, Шнеура Залмана (Залмана Боруховича) из Ляд, Дов Бера Шнеури (Берки Шнеера / Шнеерсона), возглавившего хасидскую общину, названную впоследствии Хабад Любавич, уже неоднократно прямо и косвенно попадали в фокус внимания белорусских и зарубежных (израильских, российских) исследователей. Функционирование устной памяти о любавичских цадиках исследовала С. Амосова [1]. И. Лурье посвятил любавичским хасидам Хабад серию статей [10; 11]. Особенности религиозного учения Хабад разобрала М. К. Кондратьева [9]. Отдельного внимания заслуживает аналитическая работа Д. Асафа и Г. Сагива о хасидах в Российской империи [2]. Однако сами обстоятельства выдвижения нового цадика, восстановившего двор своего отца, разоренный войной 1812 года, и осуществившего коренные преобразования в жизни своей хасидской общины, приведшие к значительному росту ее влияния, до сих пор остаются во мраке зыбких догадок и туманных гипотез. Есть основания полагать, что документы Национального исторического архива Беларуси, как уже введенные в научный оборот, так и неизвестные или малоизвестные, способны, по крайней мере, пролить немного больше света на эту малопонятную историю. Характеристике некоторых из таких документов и посвящена данная статья.

Документы, о которых пойдет речь, можно объединить в два небольших комплекса, по два дела в каждом, касающиеся двух весьма резонансных в восточноевропейской еврейской общине событий, связанных с личностью Дов Бера Шнеури. Несмотря на то, что происходили они в 1820-е гг., на пике могущества этого цадика, за ними также маячат тени истории более давней, связывающей их вместе. Хронологически первый комплекс – это документы фонда Могилевской римско-католической консистории о конверсии в католицизм младшего брата Дов Бера, улльского раввина Моше Шнеури (Моисея Шнеерсона) за 1820–1821 гг., [6; 7], второй – документы фонда Канцелярии генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского о суде над самим Дов Бером, по доносу о незаконном сборе денег с хасидов, за 1825–1834 гг. [5; 8]. Дела, связанные с крещением Моше Шнеури тематически и хронологически дублируют друг друга, но одно из них сформировано в делопроизводстве консистории исключительно по этому вопросу [7], а второе представляет собой фактически несколько дел о крещении евреев, сшитых в одной обложке [6]. Состав документов дел: переписка консистории с различными учреждениями, включающая рапорты, обращения